

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-35-47

К ВОПРОСУ О ПРОЗВИЩАХ И ДАТИРОВКАХ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Асонов Н. В.*Московский педагогический государственный университет**11999, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация**Московский государственный областной университет**1414014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучить историю появления у князя Александра Ярославича прозвища «Невский», установить приблизительное время и причину закрепления за ним данного прозвища, а также проверить и уточнить время его рождения.

Процедура и методы. Исследование проведено на основе комплексного анализа летописей как главного вида письменных источников Древней Руси, содержащих прямые и косвенные сведения о её государственных деятелях, с привлечением и других видов источников.

Результаты. Сделан ряд выводов, позволяющих проследить генезис прозвищ Александра Невского, и определить причины, место и приблизительное время, закрепления за ним прозвища «Невский», а также обосновано время его рождения – в июле 1220 г.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование позволяет дополнить и уточнить ряд значимых аспектов в истории Древней Руси и в биографиях её государственных деятелей XIII–XVI вв.

Ключевые слова: Александр Невский, Древняя Русь, история России, русские летописи, идеология, политика

ON THE TOPIC OF ALEXANDER NEVSKY'S SOBRIQUETS AND DATINGS OF BIRTH

N. Asonov*Moscow State Pedagogical University**1, str. 1, M. Pirogovskaya ul., Moscow 119991, Russian Federation**Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the history of the appearance of Prince Alexander's sobriquet "Nevsky", to establish an approximate time and reason for this title, as well as to elucidate any inconsistencies with the date of Alexander Nevsky's birth.

Methodology. The study was based on a comprehensive analysis of chronicle sources as the main type of written documents during the Rus' period, reflecting direct and indirect information about Russian statesmen, with the involvement of other sources.

Results. The obtained results allowed the genesis of Alexander Nevsky's sobriquets to be traced. An approximate time, place and reasons for the establishment of the sobriquet "Nevsky", generally

accepted by scholars today, were determined. It is concluded that the prince was born in July 1220. **Research implications.** The findings complement the available information on a number of significant problems in the history of Ancient Rus' and its notable statesmen in the 13th–16th centuries.

Keywords: Alexander Nevsky, Ancient Rus', history of Russia, Chronicles of the Rus', ideology, politics

Постановка проблемы

Решение вопросов, связанных с уточнением датировок рождения и ухода из жизни тех или иных государственных деятелей, не является для исторической науки определяющим направлением её исследовательского поиска, поскольку оно не содействует раскрытию противоречий или причинно-следственных связей между социально-политическими явлениями и процессами. Исключение здесь могут составлять только те даты, что связаны с серьёзными изменениями в жизни государства и общества, когда появление знакового исторического лица или его внезапная смерть могли способствовать началу целой эпохи или, наоборот, положить ей предел.

В этом плане определение время рождения княгини Ольги имеет серьёзное научное значение. Ведь у нас появляется возможность понять биографию этой княгини и выявить ошибку летописных известий о ней, так как характер событий, связанных с её жизнью, позволяет говорить о двух Ольгах, а не об одной. Тут всё внимание исследователя должно быть сосредоточено на доверии к источнику, которым он пользуется. Лаврентьевская летопись создаёт много загадок, приводя те или иные даты из жизни нашей равноапостольной княгини, а они откровенно противоречат друг другу и сильно снижают доверие к данному источнику. Поэтому, когда мы начинаем высчитывать возможную дату её рождения, сопоставляя с годом рождения Святослава и последующего крещения, связанного с попыткой Константина VII жениться на ней, легко замечаем всю абсурдность приводимых дат.

Если предположить, что женой князя Игоря она стала в 13 лет, а летопись от-

носит это событие к 903 г.¹, тогда сына она должна родить в 50 лет, а пленить василевса ромеев – в шестидесятипятилетнем возрасте. Подобные подсчёты заставляют больше доверять тем сведениям, где минимум приводимых дат не создаёт между ними откровенного противоречия. Это в полной мере относится к Псковским летописям, избегающим излишней детализации и отсылки к датам в тех случаях, где нет достаточной информации. Там просто указана череда значимых событий, случившихся между известными летописцу датами. В частности он точно знает, что в «лето 6477. Оумре княгиня Ольга»². Это 969 г.

Работа с такого рода источниками позволяет больше ориентироваться на косвенные сведения, содержащиеся в других документах и не делить одного человека на два исторических лица. Это не только отечественные и зарубежные хроники и свидетельства, дипломатические документы, эпистолярное наследие или сочинения устного народного творчества, но и церковные календари, содержащие сведения о днях памяти святых, в честь которых нарекали государственных деятелей при рождении. Работу с такими календарями у нас начал ещё В. Н. Татищев, что позволило ему относительно точно высчитать дату рождения Александра Невского, однако, по сей день это направление исследовательской деятельности не пользуется широкой популярностью. По этой причине автор данной работы счёл нужным показать методологическую значимость использования церковных

¹ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 29.

² Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 8.

календарей как составной части общей источниковедческой деятельности по выявлению скрытых от нас дат. В случае с Александром Ярославичем это имеет решающее значение.

Раскрытие некоторых дат рождения или смерти помогает решить целый ряд частных вопросов более узкого плана. Они позволяют распутать интригу, сложившуюся благодаря кончине государственного или церковного деятеля, скажем, такого, каким был архимандрит Митяй, активно продвигаемый на пост митрополита Дмитрием Донским. В разных источниках его болезнь и смерть не совпадают по времени, варьируясь между 1378 и 1380 гг. Причём в одной и той же летописи даются две противоположные версии. Одна говорит нам о том, что Митяй «умре на мори», когда он плыл в Константинополь, другая утверждает, что его смерть наступила, когда корабль «стояше на единомъ месте»¹, после чего положили Митяя в гроб и отнесли в Галату.

А ведь это – время, предшествующее Куликовской битве. И здесь роль Сергия Радонежского как соперника или преемника Митяя, получившего возможность оказать решающее влияние на Московского князя, не может быть окончательно решена до тех пор, пока не выяснится год его кончины. Если следовать Московскому летописному своду, получается, что Митяй «пребысть ... на Москве лето и 6 месяц»². Это время с конца 1377 по начало 1379 года. Следовательно, вдохновителем победоносной битвы на р. Воже, произошедшей в 1378 г., мог быть только Митяй. Тогда становится понятным молчание всех источников о Сергии Радонежском по поводу данного события, хотя до 1380 г. это было самое крупное столкновение московской рати с ордынским войском. Если верить Владимирскому лето-

писцу, получается, что Митяй «поиде во Цареград» в лето 6886, что соответствует 1378 г., а битва на р. Воже в данном документе датируется 6887 годом³.

Кроме того, смерть Митяя, случившаяся в 1379 или 1380 гг., высвечивает круг его главных противников, видимо, как-то связанных между собой общей религиозно-политической идеей и не желающих видеть великокняжеского ставленника в качестве митрополита. Это суздальский епископ Дионисий, сбежавший от Дмитрия Донского в Константинополь и оставивший «по себе игумена Сергия», сам Сергий Радонежский, его друг митрополит Киприан, уже поставленный Вселенским Патриархом на всю Русь. И это архимандрит Пимен. Их связь с константинопольским двором, не вызывает сомнений и возможность косвенного участия враждующих между собой ромейских василевсов в преднамеренном убийстве Митяя вполне вероятна.

Митяй, имевший враждебный и даже агрессивный настрой к католикам и мусульманам, вряд ли был нужен «западнику» Иоанну V, ещё в 1369 г. присягнувшему «римскому первосвященнику на верность» [7], а в 1373 г. признавшему свою зависимость от султана Мурада I. Благодаря Мураду он победил своего сына Андроника, кажется, не питавшего добрых чувств к католикам и мусульманам, и вернул себе престол в августе 1379 г., который отнял у него сын в 1376 г. Причём в том же 1379 г. ушёл патриарх Макарий, и константинопольская кафедра пустовала, пока в 1380 г. её не занял Нил. Таким образом, определив точный год смерти Митяя, мы сможем относительно точно указать ту группировку в высшей элите ромеев, что была настроена провести на его место своего человека.

Другое дело, изучение дат, не имеющих «привязки» к историческим собы-

¹ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Полное собрание русских летописей. Т. VIII. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 37.

² Московский летописный свод конца XV в. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 197.

³ Владимирский летописец. Вторая Новгородская (Архивская) летопись. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 126.

тиям. Именно эта особенность отличает время рождения Александра Невского. Его появление на свет не связано с ключевыми событиями истории России. Но поскольку мы говорим о выдающемся государственном деятеле, оказавшем огромное положительное влияние на ход развития нашей страны, и причисленном к лику святых, решение такого вопроса следует трактовать как дань уважения к этому человеку. В данной связи более серьёзную научную значимость приобретает изучение генезиса его прозвищ и причина их последующей замены на то, которые нам всем хорошо известно – «Невский».

Решение проблемы

Сложилось мнение, что этот князь своё прозвище получил почти сразу после знаменитой битвы, случившейся в 1240 г. при впадении Ижоры в Неву, когда небольшая русская рать смогла разгромить объединённые силы шведов, норвежцев и финнов. В крайнем случае, такое прозвище могло утвердиться за ним вскоре после его захоронения во Владимире, когда по инициативе митрополита Кирилла II были написаны «Повести о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Александра». Согласно комментариям Д. С. Лихачёва, данный документ следует датировать 80-ми гг. XIII в. и считать его продолжением жизнеописания Даниила Галицкого, поскольку митрополит Кирилл II был бывшим «печатником» Даниила. Причём Д. С. Лихачёв уверен, что оба текста имеют целый ряд лексических и стилистических совпадений [2].

Если это так, то Александр, вслед за Даниилом, должен получить от автора прозвище, соответствующее его престольному городу. Таких городов было три: Новгород, Киев, Владимир. Но подобной географической «привязки» мы не встречаем. Есть только один свод, где Александр указан как «Новгородский»¹.

¹ Симеоновская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. М.: Знак, 2007. С. 70. <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/20835> (дата обращения: 04.12.2020).

Это Симеоновская летопись, составленная приблизительно в 1412 г. и представляющая разновидность Троицкой летописи. Следовательно, она входила в круг московских документов, как-то связанных с духовной, а не великокняжеской властью.

Высказанные соображения заставляют подвергнуть сомнению авторство Кирилла II. Более того. Кирилл II умирает в 1281 г. в Переяславле-Залесском, но ещё в 1274 г. он ставит на Владимирскую епархию некоего Серапиона. Указанные факты позволяют отдать инициативу в создании «Повестей» об Александре его сыну Дмитрию Переяславскому, занимавшему княжеский стол во Владимире с 1277 по 1281 гг. и с 1283 по 1293 гг. Хотя, не исключено, что идея воспеть своего отца могла принадлежать младшему брату Дмитрия – Андрею Городецкому, владевшему Владимиром с 1281 по 1283 гг. Такой вывод согласуется и с мнением А. Н. Насонова, считавшего, что во Владимире-Залесском «летописная работа... быстро стала в полной мере летописанием княжеским или, вернее, великокняжеским» [3]. Для нас здесь важно отметить отсутствие в текстах прозвища, связывающего имя Александра Ярославича с его громкой победой на Чудском озере, хотя, казалось бы, она должна вознести его на пьедестал русской славы как Александра Чудского².

Другая загадка таится в его имени. Мы забываем, что у русских князей того времени было по два, а то и по три имени. Помимо имени своего патронально-го святого, получаемого при крещении и считавшегося вторым, каждый носил своё первое имя, получаемое от родителей при рождении. Известно, что Ярослав Всеволодович при крещении стал Фёдором, мать Александра была Ростис-

shkolazhizni.ru/culture/articles/20835 (дата обращения: 04.12.2020).

² Рогоза В. Почему князь Александр Ярославич стал «Невским», а не стал «Чудским»? Ч.2. <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/20835/> (дата обращения: 04.12.2020).

лавой, а вот как они назвали своего сына при рождении? Этого мы не знаем. Все источники об этом молчат и указывают только его крестильное имя. Эту загадку мы не разрешим уже никогда. Сознательное забвение такого факта, как и отказ авторов закрепить за ним прозвище, сообразуясь с местом его княжения, может говорить только о чёткой идеологической позиции, выработанной по отношению к Александру Ярославичу при его детях.

Тут возникает два предположения. Первое связано с желанием сыновей Александра, получивших великое владимирское княжение, поднять статус своего рода до общерусских размеров и поставить других великих князей в подчинённое положение, навсегда закрепить за собой княжеские столы в Новгороде и Пскове. При этом за Владимиром должен утвердиться статус новой светской и духовной столицы Руси, на фоне которой Киев окончательно терял своё первенство. Когда же с претензией на общерусское лидерство выступили московские князья, то они не преминули обосновать её родством со своим великим предком. Для этого они использовали свои опорные пункты в других городах, включая зависимые от митрополита монастырские центры летописания. Им удалось добиться своего настолько, что даже в статьях, предшествующих Комиссионному списку Новгородской первой летописи, утвердилось положение о том, что «от сего князя Александра пошло великое княжение Московское»¹. В качестве подтверждения данной установки перечень его сыновей начинает «Данила Московский». А уже за ним идут в качестве младших его братья: Дмитрий Переяславский, Василий Костромской и Андрей Городецкий.

Второе предположение свидетельствует о признании незаурядных заслуг Александра как государственного дея-

теля и защитника православия, много сделавшего для его сохранения и распространения на другие территории. Впрочем, оба варианта могут представлять собой две стороны общего политического замысла, реализовавшегося сыновьями Александра, которые в своём стремлении отеснить от высшей власти других Рюриковичей использовали авторитет ордынского хана. Согласно летописным данным, с 1245 г. правитель Орды наделяется на Руси титулом «цесаря»², что вполне объяснимо. Ведь «Ромейского царства» больше не существовало, а в Константинополе с 1204 г. сидел латинский император, и его ставленников Русь принимать не могла.

Другое дело – Орда. Там, как сообщает Рашид ад-Дин и некоторые западные миссионеры, в окружении монгольских правителей было много восточных христиан, и «эти люди ... стали могущественными»³. При дворе великих монгольских ханов в Каракоруме «оказывают христианам больше уважения, чем другим народам», причём «князю Ярославу они всегда давали высшее место»⁴. Но Ярослав в 1246 г. умирает. Тогда на политическую арену евразийского масштаба выходит Александр, не принявший сторону своего брата Андрея, вставшего в оппозицию к Орде. В летописях и житии Александра речь идёт о том доверии, которое он приобрёл на Востоке, когда «Царь Батый слышавъ его мужество, и возлюби его паче всехъ князей и призва его к собе любовно»⁵. Одна из версий «Жития» раскрывает божественное желание объединить Русь под властью одного правителя. Именно с этой целью

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 94.

³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2–3. Том. 3. М.: Академия наук СССР, 1960. С. 18.

⁴ Плано Карпини Дж. Дель. История монголов. Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. С. 77, 113.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Ук. соч. С. 468.

возникает сравнение с историей Израиля, когда, уступив «Небесной мудрости» и подчинившись монгольскому правителю, Александр получает в награду и в управление всю Русь. При этом автор сравнивает его с Иосифом, «которого поставил египетский царь вторым после себя человеком в Египте»¹.

Теперь есть смысл перейти к Псковской летописи и обратить внимание на характерное для неё желание разделить XIII в. на локальные исторические периоды. Среди них выделяется отрезок времени, протянувшийся «От числа Руския земли до смерти царя Александра ... в лето 6776»². Следовательно, он вне удельной системы. Он над ней и потому не может числиться даже просто великим князем (первым среди равных). Его следует отождествлять только со всей русской землёй – как правителя, обладающего широкими властными полномочиями и располагающего соответствующим им авторитетом.

Видимо, это обстоятельство, поднявшее Александра над другими князьями и сделавшее русским Иосифом, стало главной причиной того, что в течение почти ста пятидесяти лет он во всех источниках не фигурировал как «Невский». Все наиболее ранние источники, дошедшие до нас от конца XIII в. до начала XV в., говорят о нём просто как об Александре. Часто величают его по отчеству – Ярославич, но это делалось только в тех случаях, когда текст произведения носил повествовательный характер и не отличается претензией на панегирик. Зато там, где у авторов появляется желание поднять политический статус своего героя, мы наблюдаем совмещение отчества с прозвищем.

Следует подчеркнуть, что наиболее распространённым прозвищем, которым награждали Александра в летописях,

было «храбрый». Оно встречается почти во всех значимых рукописных сводах с XIV в. по XVI в. Тут можно вспомнить Новгородскую первую летопись, Тверской летописец, Летописец о великом князе Московском, Летописец Авраамки и даже Историю о Казанском царстве. Единственным исключением окажется только Ипатьевская летопись, что тоже вполне понятно. Ведь конфронтация Даниила Галицкого, поддержанного Андреем Суздальским, с Александром имела религиозно-политические корни. В их основе лежало эсхатологическое понимание происходящих в XIII в. событий и, прежде всего, нашествия монголов, что позволяет лишней раз усомниться в правильности вывода Д. С. Лихачёва о причастности митрополита Кирилла II к написанию «Повестей» как об Александре, так и о Данииле.

Есть основание полагать, что отношение к монголам на Руси носило противоречивый характер, что привело к образованию двух враждебных лагерей. Первый, опираясь на труды Мефодия Патарского и иные сочинения апокрифического характера, не имеющие доверия со стороны официальной церкви, полагал, что уже настаёт конец света и уже прибыл всадник войны, приведя «к скончанию времени» «ис пустыня Етриевьскы» «безбожнии татары»³ – самый лютей народ. «И попленили им вся земля и доидут до Рима»⁴. Они опаснее западных захватчиков, и потому в первую очередь отпор дать надо именно им.

Видными представителями этого лагеря, который по типу политического участия можно охарактеризовать как оборонительно-мобилизационный, тогда были рязанские и галицко-волынские князья, а также Андрей Суздальский. Именно в его

¹ Житие Александра Невского. Изборник. М.: Художественная литература, 1969. С. 328.

² Псковские летописи. Т. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 13.

³ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 446, 460.

⁴ Слово, святого отца нашего Мефодия таганьскаго сказание. о последних летех. Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. С. 666.

уста летописец вложил фразу, ставшую их политическим девизом: «лутчи ми есть бежати въ чужую землю, неже дружитися и служити Татаромъ»¹. Также решительно были настроены его двоюродные братья: Всеволод и Мстислав Юрьевичи, готовые «умрети пред Златыми вороты,.. ниже в воле их быти»². Этих князей вспоминают, когда речь заходит о героической борьбе Руси с восточной агрессией 1237–1240 гг. Но мобилизационная слабость, не позволившая вождям данного лагеря повести за собой народ и дать отпор врагу, связана с отсутствием поддержки со стороны официальной церкви. Поэтому они были обречены на поражение. Вместе с ними на поражение в борьбе с монголами была обречена Русь.

Симпатия церкви была на стороне оборонительно-соглашательского лагеря. Его духовным вождями стали епископ Кирилл и митрополит Кирилл II, взявшие на себя роль проводников политики мирного подчинения Орде. Светскую власть в этом лагере представляли великий князь Ярослав Всеволодович и Александр Невский. Они видели в пришествии «татар» кару, наложенную «ради съгрешения и неисправления к богу» русских людей. «И богъ на ны разгневасть и наказа нас, яко же чадолюбивый отецъ»³. Чтобы не гневить Бога, Руси надо принять власть хана и смиренно нести своё иго. Сопротивляться надо только Западу, несущему угрозу православию. Когда Господь увидит, что русские исправились в своих винах и стали тверды в вере, Он снимет наложенное иго.

Влияние этого лагеря сделало многих князей равнодушными к нашествию с Востока. Известно, что борьбу с Ордой не

стали поддерживать ростовские князья Борис и Глеб, ездившие туда «чуть ли не каждый год» [5]. Те области, что не пожелали подчиниться хану, были приведены к покорности силой. В 1257 г. Александр подавил антиордынское выступление в Новгороде и добился того, чтобы в том же году «поидоша вси кнзи въ Орду»⁴.

Подобный политический авторитет, укрепившийся за счёт подавления оборонительно-мобилизационного лагеря, позволил Руси не только остановить продвижение католических интересов на восток Европы, но и создать в 1261 г. Сарайскую епископию. Причём с самого начала она была поставлена в прямое подчинение митрополиту Руси. Думается, оценка участия Александра в этих событиях повлияла на появление у него более значимого прозвища – «Великий». Например, в качестве «Великого» он упоминается в Рогожском летописце.

Теперь, переходя к анализу истории возникновения прозвища «Невский», следует обратить внимание на его отсутствие не только в ранних документах, как уже было сказано, но и в рукописях Владимиро-Московской Руси. Для её правителей он был «политической иконой» и уменьшать его престиж до уровня «Вотьской пядины» Новгорода, где протекала Нева, было недопустимым унижением всего дома Даниловичей. Следовательно, подобное прозвище могли присвоить Александру, во-первых, только там, где хорошо представляли значимость Невы как «окна» Руси в Европу. Во-вторых, не смотрели на него как на «царя» и «Великого» правителя, поскольку имели своего великого господина.

Видимо, таким государством была Литва. Её великий князь Александр, «зовомый Витовт», в первой трети XV в. распространил своё влияние на обширные территории от Балтики до Чёрного моря и в своей славе, пожалуй, превосходил

¹ Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. X. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 138.

² Софийская первая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 291.

³ Софийская вторая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 302.

⁴ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 524.

русского тезку из рода Рюриковичей. Известно, что начавшаяся в Московском княжестве усобица, продолжавшаяся до 1453 г., пока последний «шемячич» не ушёл в Литву, подорвала международный престиж Даниловичей. К этому надо добавить печальную историю с заключением унии по инициативе митрополита Исидора, бежавшего из Москвы в Новгород, а затем в Рим. Здесь он добился перехода Литовской Руси под свою власть и получил сан Патриарха Константинопольского. В Москве нового митрополита избрали только в 1448 г. Дальше была долгая борьба за воссоединение русской митрополии, но её Москва к 1459 г. проиграла. Прямым следствием подрыва религиозно-политического авторитета Москвы могло стать ослабление исторической значимости Александра Ярославича. Именно в это время среди русских книжников Великого княжества Литовского, занимавшихся летописанием и обязанных воспевать Александра-Витовта, могло возникнуть желание прозвать Александра Ярославича «Невским», принизив достоинства чужого правителя в пользу своего князя и своего «патриарха».

К этому периоду относится одно из первых упоминаний об Александре Ярославиче с приставкой «Невский». Оно содержится в «Супрасльском списке», названном по одноименному месту, где находился русский монастырь. Сейчас это территория Польши. Первая часть данного «списка» была закончена около 1446 г. и повествует нам о том, что в лето 6746 «оженися кнзь Александръ Невъскый во Полоце»¹. Затем аналогичный термин в конце 60-х гг. XV в. использует смоленский летописец. Стоит напомнить, что к этому времени Смоленск больше пятидесяти лет принадлежал Литве и приставка «Невский» могла свободно перекочевать с западных границ Литвы к восточным. Но

поскольку связь Смоленска с Московской землёй имела прочные традиции, то они и отразилось в летописном известии, указавшем на Александра как на «Великого храброго Невского»².

Практически одновременно эпитет «Невский» дают Александру и составители некоторых северных и северо-восточных летописей. В их поздних редакциях, входящих в Комиссионный список и датируемых серединой XV в., он именуется аналогично смоленской трактовке: «великий, храбрыи, невъскый»³. Причём в Воронцовском списке Александр упомянут даже как «грозный»⁴, что для новгородцев совсем не удивительно. Память о его расправах с ними всегда была по их самолюбию и отразилась в прямой поддержке Новгородом «звенигородской группировки», вставшей в оппозицию Василию Тёмному. Постепенно эта новация проникает в культурные центры восточных владений Новгорода, перешедших к Москве и окончательно закреплённых за ней в 1472 г. Тексты Никаноровской и Вологодско-Пермских летописей, датируемых концом XV – первой третью XVI в., уже прямо говорят о «великом князе Александре Ярославиче Невском»⁵ или о «князе великом Александре Невском»⁶.

Однако не у всех новгородских летописцев мы встречаем желание связать почитаемого на Владимирской и Московской земле князя с невиской битвой. Например, Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского, занимающая, как полагают специалисты, центральное

¹ Западнорусские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. XVII. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 22.

² Летопись Авраамки. Полное собрание русских летописей. Т. XVI. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 311.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Ук. соч. С. 468.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Ук. соч. С. 452.

⁵ Вологодско-Пермская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. С. 89.

⁶ Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 291.

место в ряду аналогичных литературных памятников севера Руси, датируемых первой половиной XVI в., говоря об Александре, упорно избегает приставки «Невский». Надо думать, что эта особенность стала следствием организации всего кодекса данного литературного памятника. Ведь он связан с Кратким летописцем новгородских владык и влиянием митрополита Макария, когда он занимал здесь кафедру архиепископа [4]. С этой группой летописей солидаризуются все летописи Пскова, который битву на Чудском озере всегда ставил выше сражения на Неве и предпочитал занимать обособленную от Новгорода позицию.

Известный интерес имеет и та группа источников, что сложились на землях соседних великих княжеств, но предпочли использовать в отношении Александра Ярославича эпитет «Невский». Это Типографская летопись, представляющая Ростовский свод конца XV в. Это Тверской сборник, созданный в середине XV в., и некоторые другие провинциальные летописи. Возможно, в них так проявился антимосковский настрой.

Особую проблему при анализе данной темы вызывает целый ряд летописей, созданных в Московском государстве, начиная с конца XV по середину XVI в. Это Ермолинская летопись конца 80-х гг. XV в. и столичный «Владимирский летописец», относящийся к концу правления Василия III. В ту же группу документов попали Никоновская летопись и Воскресенский список, отразившие официальную политическую установку периода малолетства Ивана Грозного. Все они хотя бы один раз, но используют термин «Невский». Причём в ряде случаев применение означенного термина явно носит поздний характер, что особенно бросается в глаза при рассмотрении Никоновского свода, в котором пространная редакция жития Александра Ярославича называет его «Владимирский»¹. И лишь один раз он

¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Полное собрание рус-

назван «Невский», когда даётся список сыновей Ярослава Всеволодовича.

Сейчас трудно определить причину такого политического заказа, но, безусловно, его идеологическая установка вполне очевидна. В качестве рабочей гипотезы можно предположить следующее: главную роль здесь могло сыграть вхождение в состав Московского государства Новгорода и единственной водной артерии, связывающей столицу России с Балтикой и Европой. Ливонский орден ещё не был разбит. Поэтому значение побоища на Чудском озере не звучало так остро. Когда же в 1547 г. митрополит Макарий при шестнадцатилетнем Иване Грозном провёл Поместный Собор, на котором было канонизировано до сорока местночтимых православных людей, Церковь решила сделать политический реверанс в сторону Новгорода, чтобы сгладить имевшие место противоречия. Так Александр Ярославич вошёл в список святых как «Невский». Правда, попал вместе с Всеволодом Псковским во второй класс «новопоставленных чудотворцев», куда входили только «праведные», Александр на Соборе 1549 г. не был удостоен Церковью праздника, а Всеволод вместе с Михаилом Тверским был отмечен этой честью.

Теперь, переходя к рассмотрению второй проблемы, выводящей нас на решение вопроса о возможной дате рождения этого князя, сразу отметим не только её отсутствие во всех письменных источниках, но и заметный разброс в датировке года его смерти. Например, Владимирский летописец даёт отсылку на «лето 6770»², Московский свод говорит о «лете 6771»³, а Новгородские документы

ских летописей. Т. X. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 141.

² Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 93.

³ Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 144.

указывает на «лето 6772»¹, т. е. на 1264 г. Единственная дата, которая не вызывает сомнений – день его кончины. Везде, где об этом идёт речь, указывается только 14 ноября.

Смушает слабая доказательная база, выдвинутая В. А. Кучкиным. Первое, что вызывает сомнение, это ссылка на «ромейские» и славянские минологии, применявшиеся до XIII в., где только четверо святых Александров были воинами. А как быть, если князь родился в день другого значимого святого, носящего это имя? Не будем забывать, что митрополитом тогда был грек Матфей и через высший епископат культурные связи Руси с Ромейской державой тогда не прерывались, а её связь с античным наследием носила самый прочный характер. Причём это касается не только греко-римского язычества, но и раннего христианства периода катакомб и гонений.

Для нас это важно потому, что на Руси делить историю человечества, протянувшуюся «от Адама» «до исхода 7 000 лет», будут с опорой не только на библейские события и библейских святых, но и на античных героев, где одно из центральных мест займёт Александр Великий (Македонский). Например, с его именем связано закрытие седьмого периода мировой истории, продлившегося «от пленения Иерусалима» «до умертвия Александра царя макидонска»². Он будет упомянут и как «тезоименитнаи царь»³ Александра Невского, и как царь над царями, принявший славян «яко други по сердцу своему» и давший милость их «владычеству»⁴. Не случайно в барельефную композицию

Дмитровского собора во Владимире, выстроенного по приказу деда Александра Невского в конце XII в., наряду с изображением Давида-псалмопевца будет включена сцена вознесения на небо Александра Македонского. Надо думать, что в определении имени решающим фактором могло стать не отрицание античного героя, а совпадение его дня памяти с днём памяти значимого православного святого.

Выдвигая свою гипотезу, В. А. Кучкин исходит из того, что «Александр Невский родился сразу же за Федором, наиболее вероятной датой его рождения можно считать 13 мая 1221 года» [1]. Он почему-то без всяких доказательств отрицает возможность рождения у княгини Феодосии двойни. Во-первых, косвенными доказательствами этого следует считать появление оригинальных печатей. На одной их стороне помещено изображение пешего или конного воина и надпись «Александръ», которого можно отождествлять с Александром Македонским. На другой стороне тоже расположен воин с надписью «Федоръ». Во-вторых, это летописные свидетельства. Они фиксируют редчайший случай назначения на один княжеский стол сразу двух княжичей. Пока Фёдор не умер в 1233 г., он вместе с Александром занимал стол в Новгороде в 1228 и 1230 годах «во всей воли Новгородской»⁵. Вместе они его и покинули в 1228 г.

Если наши рассуждения верны, тогда надо признать ошибочной дату рождения Александра Невского, относящуюся к 13 мая. Но стоит согласиться с В. Н. Татищевым относительно 1220 г. [6], т. к. именно в этот год родился Фёдор, и, следовательно, его брат. Чтобы определить возможный месяц их появления на свет, надо сопоставить дни памяти святых Александра и Феодора. Согласно совре-

¹ Новгородская четвёртая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Часть 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 234.

² Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 171.

³ Софийская первая летопись старшего извода. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. I. М.: Языки русской культуры, 2000. Стб. 303.

⁴ Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. Ук. соч. С. 139.

⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Полное собрание русских летописей. Т. X. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 96.

менному календарю, таким месяцем может быть только июль. На 3 (16) и 4 (17) июля приходятся дни памяти преподобного Александра обители Неусыпающих первоначальника, скончавшегося в 430 г., и священномученика Феодора, епископа Киринейского, умершего в 310 г.

Правда, можно выдвинуть другую дату, как представляется, больше всего соответствующую истине. Это 9 (22) июля, когда в один день поминают и мученика Александра, скончавшегося в IV в., и Феодора, епископа Эдесского, жившего в IX в. Следует отметить, что мученик Александр был воином и служил у императора Юлиана-Отступника. Христианство он принял, увидев страдания святых Патермуфия и Коприя.

Ассоциативный ряд здесь выстраивается по нескольким показателям. Это тема отхода Нового Рима от христианства, начатая при Юлиане и продолженная при Робере де Куртене, возглавившем Латинскую империю в 1219 г. Ведь на Руси католиков не считали христианами. В них видели отступников от истинной веры в пользу языческих соблазнов, о чём нам свидетельствуют сочинения Феодосия Печерского, митрополитов Георгия и Никифора, живших в XI–XII вв. Кроме того, это тема Ближнего Востока. К моменту рождения Александра новые отступники, подобно отступнику Юлиану, овладев Иерусалимом, пытались обеспечить свои интересы в Азии, поставив православный мир вне закона. Между тем статус Фёдора как епископа крупного православного центра этого региона вполне мог иметь решающее значение для внесения в летопись только одного брата. Не будем забывать, что оба мальчика не могли одновременно появиться на свет. Видимо, Фёдор родился раньше Александра и потому остался в летописях.

Здесь будет уместно вспомнить и об Александре Македонском. Он, по некоторым данным, тоже родился в июле. Думается, что греки, курирующие в то время духовную власть и культуру нашей стра-

ны, это знали. Ведь положительный образ великого полководца мог утвердиться на Руси только двумя путями. Один путь должны были проторить греки, а второй – балканские славяне, заселившие Македонию. А это прямо или косвенно могло повлиять на выбор имени будущего героя Невской битвы и Ледового побоища, прославившегося как устроитель «Святой Руси» и тезка Александра Великого.

Заключение

Проведённое исследование летописных источников было направлено на решение двух научных задач. Первая задача сводилась к выяснению причин появления у князя Александра Ярославича ряда значимых прозвищ («Храбрый», «Великий», «Грозный», «Владимирский», «Новгородский», «Невский») и выяснению причин того, почему среди них закрепилось наиболее позднее по времени появления и наименее характерное для него – «Невский». Вторая задача была связана с уточнением датировки возможного дня и года рождения Александра Невского. Попутно решались другие задачи, раскрытие которых вытекало из решения первых двух задач. Сюда относится исследование идейно-политических лагерей, сложившихся при Александре Невском и той борьбы за власть, что развернулась в Московском государстве во второй четверти XV в. и повлияла на дискредитацию памяти этого князя.

Рассмотренные в статье вопросы привели автора к следующим выводам. Успехи князя Александра в области укрепления православия на Руси и усиления её военно-политической мощи и единства были активно поддержаны Церковью. Это помогло его детям выдвинуться в роли наиболее значимых лидеров клана Рюриковичей, что нашло отражение в их желании усилить свой авторитет за счёт возвышения статуса самого Александра. Реализация такой установки привела к появлению у данного князя целого ряда прозвищ: «Храбрый», «Великий», «Гроз-

ный». С возвышением Москвы, начавшимся в XIV в., её князья поддержали такой идеологический ход, сделав Александра основателем московской династии, а его младшего сына – главным преемником славы отца.

Однако феодальная война, развернувшаяся во второй четверти XV в. между наследниками Дмитрия Донского, серьезно подорвала политический авторитет Москвы, а вместе с ней – и её идеологической установки на возвышение Александра как главного героя Руси. К этому времени больше половины исторических земель Древней Руси вошло в состав Литвы, и её князья смотрели на себя как на политических преемников Рюриковичей. В качестве альтернативной фигуры здесь был выдвинут свой Александр-Витовт, подчинивший своему влиянию огромные пространства Восточной Европы. Поэтому в пределах Литвы Александр получил

иное прозвище – «Невский». Оно распространилось на Новгород и другие русские княжества, а после вхождения их в состав Московского государства стало фигурировать наряду с другими, более ранними прозвищами и закрепилось за Александром Ярославичем только на Поместном церковном Сборе в 1547 г., когда он был причислен к лику святых.

Решение второй задачи строилось на привлечении и комплексном анализе целой группы источников материальной и духовной культуры Руси. Это позволило после систематизации полученных данных внести поправку в дату рождения Александра Невского, предложенную в 1986 г. В. А. Кучкиным, и сделать иное заключение, согласно которому означенный князь мог родиться не в мае 1221 г., а в июле 1220 г.

Статья поступила в редакцию 01.12.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 174–176.
2. Лихачёв Д. С. Галицкая литературная традиция в «Житии Александра Невского» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1947 г. Т. 5. М.–Л. С. 36–56.
3. Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. № 18. С. 255–294.
4. Новикова О. Л. Новгородские сборники XVI–XVII вв.: летописи, сказания, жития // Русская литература. 2000. № 3. С. 75–81.
5. Тарабрин С. Ю. Церковно-политическая деятельность ростовского епископа Кирилла после монгольского нашествия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2018. №18(2). С. 140–144.
6. Татищев В. Н. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 2–3. История Российская. Часть 2. М.: Ладомир, 1994. 688 с.
7. Успенский Ф. И. История Византийской империи: в 5 т. Т. 5. Отдел 8. Ласкари и Палеологи. М.: Астрель, АСТ, 2002. 560 с.

REFERENCES

1. Kuchkin V. A. [About the date of birth of Alexander Nevsky]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1986, no. 2, pp. 174–176.
2. Likhachev D. S. [Galician literary tradition in the "Life of Alexander Nevsky"]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1947, vol. 5, pp. 36–56.
3. Nasonov A. N. [From the History of the Pskov Chronicle]. In: *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 1946, no. 18, pp. 255–294.
4. Novikova O. L. [Novgorod collections of the 16–17 Centuries: Chronicles, Legends, Lives]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2000, no. 3, pp. 75–81.
5. Tarabrin S. Yu. [Church and Political Activity of the Rostov Bishop Kirill after the Mongol Invasion]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*

[Izvestia of the Saratov university. New series. History series. International relations], 2018, no. 18 (2), pp. 140–144.

6. Tatischev V. N. *Sobranie sotzinenyi : v 8 t. T. 2-3. Istorija Rossiyskaia. Chast 2.* [Collected Works : in 8 vol. Vol. 2–3. Russian History. Part 2]. Moscow, Lodomir Publ., 1994. 688 p.
7. Uspensky F. I. *Istoria Vizantijskoj imperii: v 5 t. T. 5. Otdel 8. Laskari i Paleologi.* [History of the Byzantine Empire : in 5 vol. Vol. 5. section 8. Lascari and Paleologues]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2002. 560 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асонов Николай Васильевич – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета и кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: nbassonov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Asonov – Dr. Sci. (Political Sciences), Cand. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Department of Political Science of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University (MSPU) and of the Department of Russian Middle Ages and Russian Modern History, Moscow Regional State University;
e-mail: nbassonov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Асонов Н. В. К вопросу о прозвищах и датировках рождения Александра Невского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 35–47.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-35-47

FOR CITATION

Asonov N.V. On the topic of Alexander Nevsky's sobriquets and datings of birth. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 35–47.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-35-47